
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XXI

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 70-летию выдающегося отечественного монголоведа
Татьяны Дмитриевны Скрынниковой

Санкт-Петербург
2018

Т. Д. Скрынникова

Концепт *jasay* в политической культуре монголов XIII—XVII вв.

DOI 10.25882/jaar-a083

В статье уделяется внимание анализу эволюции значений концепта *jasay* в XIII—XVII вв., когда были составлены монгольские хроники, которые зафиксировали использование концепта в политической культуре. Анализ монгольских текстов показал, что концепт *jasay* эволюционировал от обозначения окказионального приказа верховного правителя до фиксации появления правящего органа, подчиненного правителю. В соответствии с данными наших источников, мы можем говорить о начале формирования монгольской государственности.

Ключевые слова: Монголия, власть, концепт *jasay*, политическая культура.

Одним из важнейших концептов, формировавших потестарно-политическую культуру монголов средневековья следует считать концепт *jasay*. Анализ его проявления в разные периоды монгольской истории позволяют выявить характер власти и властвования и показать эволюцию институтов власти. Обращение к анализу концепта *jasay* следует начать с упоминания его в памятнике XIII в. — «Тайной истории монголов», поскольку именно с этим концептом связывается создание Чингис-ханом свода законов — Ясы.

Концепт *jasay* упоминается в «Тайной истории монголов» не в связи с Чингис-ханом лишь единственный раз. Связано это с обсуждением вопроса о том, что делать с останками Ван-хана.

Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву» [Козин, 1941. С. 142].

При обсуждении этого вопроса один из присутствующих, Инанча-Билге-хан, сказал: «*qadun-nu bidan-ugürbesü-yin jasaq¹ qurca bolbi*» [Rachewiltz, 1972. P. 76, § 189], что совершенно определенно означает следующее: «Приказ/распоряжение нашей ханши Гурбесу умный»² (пер. мой. — Т. С.), поскольку это

¹ В названии статьи слово *jasay* написано так, как принято в российской традиции. В цитатах сохраняется написание И. де Рахевилца.

² Здесь и ниже я привожу отрывки из *Тайной истории монголов* в переводе С. А. Козина и И. де Рахевилца как наиболее цитируемых исследователей, чтобы показать, насколько точность перевода и интерпретации концепта влияет на понимание социально-политической структуры и организации монгольского общества.

«Прозорливо *правит* наша государыня Гурбесу» [Козин, 1941. С. 142, § 189]. Как видим, С. А. Козин, во-пер-

его мнение по поводу предложения ханши, которое и было принято.

Все другие упоминания концепта связаны с Чингис-ханом, причем именно с Чингис-ханом после его первой интронизации в 1189 г., когда он получил право на власть. Это право было делегировано ему сплотившимися вокруг него сторонниками.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. ...Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноранитных жен и девиц, прекрасных статей мерингов. При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна. В дни сеч, если мы в чем нарушим свой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в бесхозяйной (безбожной) земле». Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингис-ханом и поставили ханом над собою [Козин, 1941. С. 108—109].

Безусловно, эти слова означают признание сообществом авторитета Чингис-хана и его права на власть, руководство и управление этим сообществом. Именно он получил право приказывать.

вых, приписывает концепту более позднее значение. Во-вторых, она не была правительницей, чтобы можно было говорить о ее правлении. На мой взгляд, И. де Рахевилц повторил ошибку С. А. Козина, предложив такую же интерпретацию: «The rule of our queen Gürbesü (Gürbesü-**yin** (**jasaq**) has become harsh» [Rachewiltz, 2004. С. 111, § 189].

Впервые концепт *jasay* упоминается в связи с событиями в войне с татарами (1202). Перед битвой при Далан-нэмургэс Чингис-хан огласил свой приказ об отношении к военной добыче. Этот приказ обсуждался им с соратниками, о чем свидетельствует форма глагола (совместный залог) и был высказан устно (основная форма глагола *ügülekü* означает 'говорить'), поскольку в тексте он обозначен как «слова обсужденного совместно приказа» (*jasaq ügüleldük-šen üges*):

§ 153. *cinggis-qahan jasad ügüleldürün dayisun gü'ü daru'asu olja-tur bu bayıya darun bara'asu tere olja bidanu'ai bui-je... ke'en jasadalduba... jasad ügüleldük-šen üges-tür altan qucar daritai qurban üges-tür ülü gürün olja-tur bayıju üges-tür ese gürba ke'en jebe qubilai qoyar-i ilejü oljalaqsat adu'un ya'u ke abuqsad-i bügüde-yi abqa'ilba* [Rachewiltz, 1972. P. 70].

Чингис-хан огласил обсужденный совместно **приказ**: «Если мы победим врагов, у добычи не останавливаться. Если победим окончательно, добыча и так наша... Так приказал... Трое — Алтан, Хуча и Даритай — не последовали словам обсужденного совместно **приказа** и задержались у добычи, не последовав словам. Послали Чжебэ и Хубилая, заставив отобрать все: коней, вещи, захваченные ими в качестве добычи» (пер. мой. — Т. С.)³.

Приказы лидера, обладавшего авторитетом, определяли должное поведение подданных и наказание за поведение недолжное. Причем неотвратимость наказания признавалась всеми и не оспаривалась. Следует обратить внимание еще на один факт — отсутствие специальных групп людей для выполнения даже императорских приказов, то есть можно говорить об отсутствии исполнительной власти, поскольку Чжебэ и Хубилай были известными военачальниками.

Следующее употребление концепта *jasay* связано с войной монголов с найманами в 1204 г. Поскольку у монголов войско было меньше и воины очень ус-

тали, Додай-черби в качестве военной хитрости предложил каждому воину зажечь по пять костров, чтобы обмануть противника по поводу численности монгольского войска. Чингис-хан с этим согласился:

§ 193. *cinggis-qahan jarliq bolorun teyin böet qalnu'ut tüle'ülütkün ke'en ceri'üt-te jasad tungqaba* [Rachewiltz, 1972. P. 101].

Чингис-хан объявил **указ**: «Пусть так будет. Поручите зажечь огни!» **Приказ** сообщили воинам (пер. мой. — Т. С.)⁴.

Здесь, как мы видим, *jarliq* и *jasaq* выступают как синонимы. И. де Рахевилц отмечает, что вписанные между строк китайские иероглифы в обоих случаях одни и те же — *фа-му* ('закон') [Rachewiltz, 2004. P. 97].

В том же году Чингис-хан победил меркитского Тохтоа-беки, после чего хаас-меркитский Даир-Усун повез свою дочь Хулан-хатун Чингис-хану. Встреченный ими по дороге Наяя задержал их на три дня, объясняя это опасностями в пути. Когда же они прибыли к Чингис-хану, тот сказал:

§ 197. ...*cinggis-qahan naya-yi yekin töde'ejü aba ci ke'en masi kilinglaju qatangqui-a mara'an asaqsu jasad bolqaya ke'en* [Rachewiltz, 1972. P. 107].

Чингис-хан сказал Наяя: «Ты почему их удерживал?» Он очень рассердился и сказал: «Строго допросить. Это приказ!» (пер. мой. — Т. С.)⁵.

В 1205 г. после разгрома всех меркитов Чингис-хан послал Субэдэя преследовать сыновей Тохтоя — Гала, Худу и Чилауна. Перед походом Чингис-хан дал Сэбэдэю наказания: как управляться с конями, как охотиться, как поступать с нарушителями.

§ 199. *cinggis-qahan jarliq bolju... eyin jasadlaju bö'et jasad dabaqsad-i bariju nisituqai bidan-u jarliq dabaqsad-i bidan-a taniqdaqun* [Rachewiltz, 1972. P. 109—110].

Чингис-хан объявил **указ**: «...Так приказав, хватайте нарушивших приказ, наказывайте. Нарушивших наш указ приводите к нам» (пер. мой. — Т. С.)⁶.

⁴ «Чингис-хан одобрил это предложение (*jarliq bolorun*) и тотчас отдал по войску **приказ** (*jasaq*) зажигать костры» [Козин, 1941. С. 145].

«Cinggis Qa'an gave the following **order** (*jarliq bolorun*): „Things being so, let them light the fires!“ and he proclaim it as **law** to the soldiers» (*ceri'üt-te jasad tungqaba*) [Rachewiltz, 2004. P. 145].

⁵ «Подвергнуть его самому строгому допросу и **предать** суду! (*jasaq bolqaya*)» [Козин, 1941. С. 150]. Как видим, С. А. Козин здесь, несомненно, придает концепту новое значение, преувеличивая уровень социально-административной структуры монгольского общества того периода.

Cinggis Qa'an then said, «Naya'a, why did you detain her?» He got very angry and, ordering that *Naya'a* be rigorously and minutely questioned, **made this case a matter of law** (*jasaq bolqaya*)» [Rachewiltz, 2004. P. 123].

³ В переводе С. А. Козина мы читаем: «Чингис-хан с общего согласия установил такое *правило* (*jasaq*): „Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи...“ В нарушение *указа* (*jasaq*) задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение *приказа* (*jasaq*) у них через посланных для этого Чжебе и Хубилая отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи» [Козин, 1941. С. 123].

«Before fighting, Cinggis Qa'an jointly issued the *following decree* (здесь и далее курсив мой. — Т. С.) (*jasaq*): „If we overcome the enemy, we shall not stop for booty. ... Those men who do not turn back to the point where we began the attack shall be cut down!“ So he **decreed** with them. ... As for the words of the **decree** (*jasaq*) that had been jointly issued, since Altan, Quçar and Daridai — all three — had not complied with them and had stop for booty. Cinggis Qa'an, saying that they had not complied with **these words** (*jasaq*), sent Jebe and Qibilai to take away from them the herds of horses and the goods they had acquired as booty — everything they had seized» [Rachewiltz, 2004. P. 76, § 153].

В этом отрывке *jarliq* и *jasaq* также синонимичны, как мы видели выше: виновными считаются преступившие указ, приказ (*jasaq/jarliq dabaqsad*).

Следующие случаи появления концепта *jasaq* связаны с организацией в 1206 г. Монгольского улуса, когда Чингис-хан награждал сподвижников, способствовавших расширению территорий, которыми овладели монголы, определил структуру войска и собственной гвардии — турхаутов, дневной стражи. Как всегда, в § 227 упоминается, что Чингис-хан «объявил указ» (*jarliq bolju*), согласно которому Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби, каждый, «ведая одной очередью хэшигтенгов, пусть управляет хэшигтенами» (*niken kesik kesikten-i medeju kesikten-i jасajа orotuqai*) [Rachewiltz, 1972. P. 130]. В данном случае, Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби, наделенные Чингис-ханом правом приказывать, призваны управлять четырьмя подразделениями дневной стражи, являясь исполнителями его воли. Завершает указ о назначении следующая фраза: «Полагаясь на старейшин четырех очередей, огласили указ о введении очередей»⁷ «*dörben kesi'üd-ün ötögüs-i tüssijü kesiq oroqui jarliq tungqarun*» [Rachewiltz, 1972. P. 130] (здесь ср. *jasaq tungqasai* § 193. — *T. C.*).

В 1219 г. Чингис-хан с Чжебе, Субэдэем и Тохучаром предприняли поход на сартулов. Следуя указаниям Чингис-хана, Чжебе и Субэдэй шли по тер-

⁶ «...отдавал Чингис-хан приказ (*jarliq bolorun*)... Сделав потребные распоряжения (*eyin jасajаlaju bu'et*), наказывайте нарушителей (*jasaq dabaqsad-i*) поркою. А нарушителей (*jarliq dabaqsad-i*) наших повелений, тех, кто извес-тен нам, высылайте к нам» [Козин, 1941. С. 153—154].

«*Činggis Qa'an ordered Sübe'etei (jarliq bolorun)... „Thus, making this a matter of law (eyin jасajаlaju bu'et), whoever then transgresses it (jasaq dabaqsad-i) shall be seized and beaten. Send to Us those who transgress Our order (jarliq dabaqsad-i) if it looks that they are personally known to Us“...*» [Rachewiltz, 2004. P. 127].

⁷ «Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок (*jarliq bolju*) дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими (*kesikten-i jасajа*); ...был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы» (*kesik oroqui jarliq tungqarun*) [Козин, 1941. С. 170].

«*Činggis Qa'an issued the order (jarliq bolju) appointing those who were to be the elders of the four companies of day-guards on roster duty, he said, „Buqa shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jасajа). Alčidai shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jасajа). Dödei Čerbi shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jасajа)... Činggis Qa'an promulgated the order about taking turns of duty (kesik oroqui jarliq tungqarun)“*» (compare: *jasaq tungqasai* § 193. — *T. S.*) [Rachewiltz, 2004. P. 155—156].

ритории сартулов, не затрагивая городов Хан-Мелика, в то время как Тохучар, нарушив указания Чингис-хана, разорил приграничные города Хан-Мелика, что вынудило последнего соединиться с султаном Джалалдином, и они двинулись навстречу Чингис-хану, а в тылу у них оказались Чжебе, Субэдэй и Тохучар. Султан Джалалдин и Хан-Мелик были разбиты, но Чингис-хан в наказание Тохучара, нарушившего указания, «огласил приказ» (*jasaq bolqan*)⁸ казнить его. Впоследствии казнь отменили, ограничившись отстранением от должности.

Тема необходимости следования приказам и невозможности нарушения их кем-либо, независимо от статуса, отмечается и в § 278⁹. Это связано с восшествием на престол Угэдэя.

Затем Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенгов...» [Козин, 1941. С. 195].

Трудно принять перевод С. А. Козиным выражения *jarliq tungqarun* как «опубликованные ранее указы и распоряжения», поскольку речь идет скорее о распоряжениях, обнародованных устно. Нарушение приказов наказывалось самим правителем, которому об этом должно было докладывать: «Если приказ нарушат, докладывать Нам!» (пер. мой. — *T. C.*) «*jasaq könte'esü bidan-aja'atuqai*» [Rachewiltz, 1972. P. 170].

В этом параграфе, содержащем описание устройства гвардии после смерти Чингис-хана, употребляются различные монгольские термины наряду с упомянутым *jasaq*: «издал указ» (*jarliq bolorun*), «по правилам прежнего указа» (*uridu yosu'ar... jarliq*), «по прежним обычаям/правилам» (*urida yosu'ar*), «по распоряжению хагана-отца» (*qahan ecige-yin jarligiyar*) [Rachewiltz, 1972. P. 167—169]. В этом параграфе практически повторяется распоряжение Чингис-хана о командовании над кешиктенами: «Пусть управляет кешиктенами!» (*kesik turqa'ud-i jасajа orotuqai*) [Rachewiltz, 1972. P. 170] и глагол *jasaju* употребляется в том же значении, что и в § 227.

Приведенные выше примеры употребления концепта *jasaq* позволяют определить поле его значений и характер действий, связанных с властью, а именно право распоряжаться, управлять (глагол *jasaju*). Ве-

⁸ «Чингис-хан совсем уж было приговорил (*jasaq bolqan*) к смертной казни» [Козин, 1941. С. 187, § 257].

«*Činggis Qa'an ... said, „...Togučar, of his own will, attacked the border towns of Qan Melik and caused him to rebel against us. Making this a matter of law (jasaq bolqan), we shall execute him!“*» [Rachewiltz, 2004. P. 187, § 257].

⁹ «Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить какие-либо самоуправства (т. е. нарушать правило — *jasaq könte'esü*. — *T. C.*)» [Козин, 1941. С. 197].

«*If any of them (the elders of keshikten) breaks the law (jasaq könte'esü)*» [Rachewiltz, 2004. P. 213].

роятно, сюда включается и судебная сфера, так как для этого периода характерна неразделимость законодательной и исполнительной властей. Руководство, управление осуществляется через распоряжения, указы, приказы. Последнее, безусловно, идеентично употреблению термина *jarliq*, что подтверждается § 199, где «нарушение указа» обозначается как одним, так и другим термином, а также сравнением § 193 и 227 (доводить до сведения указ/приказ), где последний передается как термином *jasaq*, так и термином *jarliq*. Распоряжение верховного лидера — Чингис-хана дает право и другим представителям властвующей элиты более низкого ранга право на власть: военачальники Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби управляют и *командуют кешикте-нами* (*kesikten-i jasaju*).

Как видим, в «Тайной истории монголов» употребление термина *jasaq*, как правило, касается частных вопросов: как вести себя в бою, в походе, как управляться с конями, как охотиться, как поступать с нарушителями и т. п. Общий характер термина отмечается только при использовании его для описания устройства гвардии (§ 227 и 278). Поскольку концепт *jasaq* являлся маркером действий, связанных с верховной властью, он приобретает значение исключительного подтверждения и распространения этой власти, а именно власти Чингис-хана, что закрепилось за приписываемым ему сводом законов, обозначаемых как Яса (*jasaq*).

По-прежнему открытым остается вопрос, решение которого не входит в задачу данной статьи: было ли записано все то, что реформировал Чингис-хан, в свод законов при его жизни или появлением «Великой Ясы» мы обязаны его ближневосточным потомкам, записавшим отдельные ее положения. На то, что текст был записан, указывают неоднократные ссылки «Сборника летописей» о необходимости зачитывания текста Ясы во время ежегодных хурилтаев. С другой стороны, можно предположить существование и устной традиции трансляции ее содержания, исходя из слов, сказанных Угэдэем о Тулуге: «Он день и ночь, в урочный и неурочный час, находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 19].

Приписываемые Чингис-хану нормы абсолютизировались, и им придавалось качество неизменности. Согласно Рашид-ад-дину, на тайном совещании, посвященном назначению Угэдэя наследником власти, Чингис-хан сказал сыновьям перед смертью:

Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я уйду за именем и славой. Отныне вы не должны переименовывать моего веления [йасак]. Чагатай здесь нет; не дай бог, чтобы после моей смерти он, переименовав мои слова, учинил раздор в государстве [Рашид-ад-дин, 1952б. С. 232].

И позже, «когда каан (Угэдэй. — Т. С.) утвердился на престоле государства, он сперва издал такой закон: „Все приказы, которые до этого издал Чингис-хан, остаются по-прежнему действительны-

ми и охраняются от изменений и переименований... Отныне, если кто-либо дерзнет и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата“» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 20].

Интерес представляет то, что в этой цитате Яса упоминается наряду с законами, что указывает на ее обособленность от них, что позиционируется и в следующих цитатах из «Сборника летописей». Так, Чингис-хан сказал перед смертью: «а кто хочет хорошо знать ясу, правила, закон и билики, пусть идет к Чагатаю» [Рашид-ад-дин, 1952а. С. 8]. Рашид-ад-дин еще раз напомнил о приоритете Чагатая в знании Ясы:

Чагатай был государем умным, способным, внушающим к себе уважение. Его отец Чингис-хан сказал эмирам: «Всякий, кто имеет сильное желание познать ясу, билики и правила, как блости царство, пусть последует за Чагатаем...» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 93].

Но вероятнее всего то, что знание Ясы и контроль за ее исполнением отдается в руки Чагатаю, вероятно, как младшему в старшем линидже (уруке) потомков Чингис-хана, что предполагает наличие неразрывной связи Ясы, с одной стороны, со старшей ветвью линиджа Чингис-хана, с другой стороны, с ее левым крылом, наделенным особой сакральностью. И в этом контексте становится ясен смысл слов Угэдэя о Тулуге: «так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 19], что является имплицитным подтверждением роли младшего в сохранении и трансляции знания Ясы. Поскольку именно с этой территорией связан и другой важнейший символ общности — престол, то становится понятной и неперемнная часть ежегодного хурилтая в начале года — чтение Ясы. Отсутствие в монгольской политической культуре жесткого механизма трансляции власти от умершего хагана к одному из его потомков заметно и в упоминаниях о властных отношениях в связи с Ясой в масштабе всей Монгольской империи в поколении сыновей Чингис-хана, когда верховные полномочия приписываются младшему как в правом, старшем крыле — Чагатаю, так и в левом крыле — Тулугу.

Интересно, что в летописях XVII в., когда активно возрождается письменная традиция, упоминаний о Ясе Чингис-хана мы не обнаруживаем. Но встречаем концепт *jasaq* в именах монгольских правителей как Южной, так и Северной Монголии. Прославившимся правителем объединенной Даян-хаганом Монголии был Тумэн Дзасакту-хаган, значение имени которого некоторым образом разъясняется: он учредил правительство (*jasay*) из своих подданных. Деятельность всемонгольского правителя Тумэн Дзасакту-хагана была направлена на пресечение сепаратизма монгольских правителей, он предпринял попытку

усилить центральную власть и восстановить единство монгольских улусов:

Собрав шесть тумэнов, *составив «Великий [свод] законов»*, [выбрав] от левого тумэна чахарского Намудай-хунтайджи, халхаского Уйцэн Субухая, от правого тумэна — ордосского Хутухтай Сэцэн-хунтайджи, *создал из них правительство*, стал известен как Дзасакту-хан (пер. мой. — Т. С.)

jirγuyan tumen-i čuylayulju : yeke čayaja edkeged : jegün tümen-eče Saqar-un Amudai qong tayiji: Qalq-a-yin Üijeng subuqai : barayun tümen-eče Ordos-un Qutuγtai sečen qong tayiji : eden-iyer jasad-i bariγulju : Jasad-tu qayan kemen [ЕТ, 1990. Р. 133].

Этот факт нашел отражение и в *Шара туджи*:

Тумэн-тайджи в двадцать восемь лет стал хаганом. Собрав шесть тумэнов, создал «Великий [свод] законов». [Выбрав] из трех левых тумэнов Намудай-хунтайджи и халхаского Субухай-уйдзэна, из трех правых тумэнов ордосского Хутугтай-сэцэн-хунтайджи, асудского Номдара-холочи-нояна, тумэдского Намудай-чухура-хунтайджи, *учредил из них правительство*. Прославился как Тумэн-дзасакту-хан (пер. мой. — Т. С.)

tümen tayiji qorin naiman nasun-γayan qayan bolju <...> jirγuyan tumen-i čuylayulju yeke čayaja kibei : jegün γurban tümen-eče namudai qung tayiji: qalq-a-yin subudai üijeng : barayun γurban tümen-eče ordus-un qutuγ-tai sečen qung tayiji . asud-un nom dara qoluči noyan : tümed-ün namutai čörukü qung tayiji : eden- iyer jasad-i bariγulju : tümen jasad-tu qayan kemen aldarsiju [Желтая история, 2017. С. 176—177].

Следует, на мой взгляд, обратить внимание на переводы выражения *jasay-i bariγulju*, предложенные раньше коллегами. Н. П. Шастина перевела описание деятельности Тумэн Дзасакту-хагана так:

Тумэн-тайджи, в двадцать восемь лет став хаганом... шесть тумэнов вместе собрав, великий закон установил. *Поручил правление* (здесь и ниже выделено мной. — Т. С.) из трех восточных тумэнов Намутай хунтайджи, халхаскому Субугай Уйдзэну, из трех западных тумэнов ордосскому Хутугтай Сэцэн-хун-туйджи, асудскому Ном Дара Холочи-нояну, тумэтскому Намутай Цурухэ-хун-тайджи. Прославившись под именем Тумэн Дзасакту-хагана, на ханском престоле сидел тридцать пять лет [ШТ, 1957. С. 149].

В переводе А. Д. Цендиной мы видим аналогичную интерпретацию выделенного выражения:

Тумэн-тайджи воссел на ханский престол в 28 лет. <Он встретился с Карма-ламой и обратился в религию.> Собрав шесть тумэнов, он установил «Великое уложение». Он *управлял с помощью* Намудай-хунтайджи и халхаского Субухай-уйдзэна из трех восточных тумэнов, ордосского Хутугтай-сэцэн-хунтайджи, асудского Номдара-холочи-нояна, тумэдского Намудай-чухура-хунтайджи из трех западных тумэнов и прославился как Тумэн-дзасакту-хан [Желтая история, 2017. С. 89].

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в монгольском тексте речь идет не просто о том, что лидеры отдельных частей Монголии участвовали в ее управлении вместе с ним. Как отмечают обе хроники, Тумэн Дзасакту-хаган основал или учредил некий орган из своих сподвижников, обозначив его уже известным термином *jasay*. В этих отрывках из летописей XVII в. следует подчеркнуть важность двух фактов в деятельности Тумэн-дзасакту-хагана: составление «Великого [свода] законов», актуального для всей территории Великого улуса, т. е. всего монгольского мира, и создание правительства (*jasay-i bariγulju*). Последнее определило и его имя — Дзасакту (тот, у кого есть правительство *jasay*). Можно говорить о том, что в данном случае отмечается появление современного значения концепта *jasay*.

Если Тумэн Дзасакту-хаган был верховным правителем всей Монголии, то другой известный Дзасакту-хаган был главным в Халхе, где только потомки Ашихая, старшего сына Гэрэсэндзэ, именуется *хаганом*, т. е. титулом, маркировавшим верховное лидерство. Манифестируется верховный статус старших потомков Гэрэсэндзэ как глав Халхи и через маркер *хаган-ахай* ('старший хан') в законе 1617 г. [ВСЗ, 2002. С. 52] или *хаган-ахай* Золотого клана в законе 1620 г. [ВСЗ, 2002. С. 53], который зафиксирован в «Восемнадцати степных законах» как титул Субантай Дзасакту-хана. Его имя упоминается первым в числе участников по принятию законов в 1617, 1620 и 1639 гг., что, безусловно, указывает на его лидерство в иерархии в Халхе. Он также участвовал в работе халха-джунгарского съезда 1640 г. Причем в законах 1617 и 1620 гг. вслед за старшим ханом упоминается его брат Хатан-батыр [ВСЗ, 2002. С. 52] или правитель Хатан Батар-нойон [ВСЗ, 2002. С. 53] (монг. *Jasad bariγsan qatun baγatur noyan* [ВСЗ, 2002. С. 34]), маркируя тем самым лидерство старших потомков Гэрэсэндзэ, возглавлявших правое крыло. Безусловно, как генеалогия, представленная в халхаской летописи *Шара туджи*, так и перечень участников съездов, на которых принимались 18 законов, маркировали границы общности.

Как видим, внук Гэрэсэндзэ Лайхор первым стал обозначаться титулом *хаган*, что, безусловно, является символом его лидерства в Халхе и, в свою очередь, демонстрирует самостоятельность Халхи по отношению к власти всемонгольского правителя — *хагана*. Его старший сын стал известен под именем Субантай Дзасакту-хаган. В «Желтой истории» сообщается, что сын Лайхор-хагана — «истинный Дзасакту хаган» (*ünengken jasad-tu qayan* [Желтая история, 2017. С. 235]). Согласно вышеизложенным данным, можно с полной уверенностью утверждать, что именно Субантай Дзасакту-хаган упоминается в «Восемнадцати степных законах» на бересте как *хаган-ахай*, т. е. старший хан как инициатор принятия важнейших законов и его главный участник.

Нет никаких сомнений в том, что этот концепт фиксирует уже не просто какое-либо распоряжение властвующего лица, как это было в XIII в., но некое

системное управление определенными территориями по определенным законам. В «Желтой истории» мы можем отметить несколько контекстов его употребления. Дважды это связано с упоминанием буддизма и религиозных законов в управлении Юаньской империей. Сообщается, что «Сэцэн-хан (Хубилай. — Т. С.) осуществлял *правление* в соответствии с учением о десяти добродетелях и установил спокойствие и счастье в мире» (*sečen qaγan ber arban buyan-tu nom-un jасаγ-i yaburyulju delekei dakin-i engkejigül-ün jirγayulju*). [Желтая история, 2017. С. 149]), а впоследствии его внук «Улзэйтү-хан, родившийся в год коровы <...> одинаково воплощая два *правления*, поддерживал мир и счастье» (*öljei-tü qaγan üker jil-tei :<...> qoγar jасаγ-i tegside bayiyul-un : engke jirγuayuluyad*) [Желтая история, 2017. С. 150]). Эти примеры, безусловно, говорят об эволюции значения концепта *jасаγ*. Дальнейшее его развитие свидетельствуется данными о деятельности Дзасагту-хаганов.

Нельзя не вспомнить Субантай Дзасагту-хагана и его участие в составлении законов (*öčüken čayaja*). В Великом законе 1620 г. среди лиц, участвовавших в принятии законов, вслед за Старшим хаганом Золотого клана (*altan uruγ qaγan aqai*) упоминаются держащий власть Хатун-багатур-ноян (*jасаγ bariγsan Qatun bayatur noyan*) и держащий власть Тушэту-ноян (*jасаγ bariγsan tüšiye-tü noyan*) [BC3, 2002. С. 34, 53]. Первый, Хатун-багатур-ноян, был следующим после Ашихая сыном Гэрэсэндзэ [Желтая история, 2017. С. 92]. А второй, Тушэту-ноян, был сыном Эриехэй-мэргэн-хагана и внуком Абатай-сайн-хагана, правнуком Ногонуху-уйцзэн-нояна (третьего сына Гэрэсэндзэ) [Желтая история, 2017. С. 93]. Слово сочетание *jасаγ bariγsan*, свидетельствует о том, как и в случае с всемонгольским Тумэн Дзасагту-хаганом в Халхе было создано правительство, которое они, члены Золотого рода, представляли. При этом Хатун-багатур-ноян управлял Западной Монголией, а Тушэту-ноян ее восточной и центральной частью, что и закрепилось впоследствии за тушэту-ханам. Интересно, что в 1620 г. правители обеих частей Халхи еще именовались нойонами, а не ханами.

В «Желтой истории» концепт *jасаγ* чаще упоминается в устойчивом сочетании *jасаγ-un tayiji* ('*правлящие тайджи*'), что свидетельствует о существовании достаточно большой группы лиц, принадлежавших к властвующей элите, наделенной управленческими функциями, это подчеркивается титулом. Они, как правило, являлись сыновьями нойонов, хунтайджи. Вероятно, они осуществляли местную власть. Однако отмечается, что у седьмого сына Гэ-

рэсэндзэ-джалаир-хунтайджи — Одохон-Саму-Буйма — ни один потомок «не стал дзасаком» (*eden-dü jасаγ boluγsan ügei*) [Желтая история, 2017. С. 212]), т. е. осуществляющим *правление*. Но среди них не было и тайджи.

Правящие тайджи (*jасаγ-un tayiji*) имели довольно высокий статус в иерархии властных структур, которая зафиксировалась в перечислении участников съездов по принятию законов. Так, на съезде 1616 г., где великие и малые нойоны обсудили малый закон четырех хошунов, участники перечисляются в следующем порядке: правящие тайджи — *jасаγ-un tayijinar* [BC3, 2002. С. 31], хунтайджи, тайджи, табуанги [BC3, 2002. С. 50], т. е. статус правящих тайджи был даже выше, чем статус хунтайджи.

Можно говорить о развитии монгольской политической культуры, зафиксированной в монгольских источниках. Если в Монгольской империи эпохи Чингис-хана отмечаются значения концепта *jасаγ*, связанные с распоряжениями, приказами верховного правителя и отсутствием какого-либо аппарата управления, то позже, в империи Юань, в связи с распространением буддизма этот концепт обозначает уже систему управления. К XVII в. можно говорить и о том, что концепт *jасаγ* фиксирует появление в Монголии управленческих структур разного уровня. В соответствии с данными наших источников мы можем говорить о начале формирования монгольской государственности. Зафиксирована иерархия властвующих субъектов, среди которых выделяется «первый среди равных» — «старший хаган». Но следует заметить, что определяется она критериями традиционной политической культуры — значением старшего в линии, а это не обеспечивало централизации власти в Халхе в руках старшего. С одной стороны, многочисленные съезды показывают, что стремление к централизации власти существовало. С другой стороны, как свидетельствуют некоторые параграфы законов, эти попытки демонстрировали самостоятельность отдельных правителей — родственников старшего хагана. Приписывание князьям титула *jасаγ* с полной определенностью указывает на выполнение ими властных *управленческих* функций. Важным фактором институализации власти стало создание административного аппарата, исполняющего установленные законы и взимающего штрафы за их нарушение в пользу властвующей элиты. Все это свидетельствует в пользу существования в Халхе ряда институтов, важнейшим из которых была правительственная структура, обозначаемая концептом *jасаγ*.

Использованная литература

BC3, 2002: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI—XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002 (Vosemnadcat' stepnyh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII vv. Mongol'skii tekst, transliteraciya mongol's-

skogo teksta / Perevod s mong., komment. i issledovanie A. D. Nasilova. SPb., 2002).

Желтая история, 2017: Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслитерация, введение и коммент. А. Д. Цендиной. Факсимиле рукописи (список А). М.: Наука; Вост. лит., 2017 (Zheltaya istoriya (Shara tudzhi) /

- Perevod s mong., transliteraciya, vvedenie i kommentarii A. D. Cendinoi. Faksimile rukopisi (spisok A). M.: Nauka; Vost. lit., 2017).
- Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941 (*Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g.* M.; L., 1941).
- Рашид-ад-дин, 1952а: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.; Л., 1952 (*Rashid-ad-din. Sbornik letopisei.* Т. 1, кн. 1. М.; Л., 1952).
- Рашид-ад-дин, 1952б: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.; Л., 1952 (*Rashid-ad-din. Sbornik letopisei.* Т. 1, кн. 2. М.; Л., 1952).
- Рашид-ад-дин, 1960: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960 (*Rashid-ad-din. Sbornik letopisei.* Т. 2. М.; Л. 1960).
- ШТ, 1957: *Шара туджи.* Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л. 1957 (*Shara tudzhi. Mongol'skaia letopis' XVII veka / Svodnyi tekst, per., vved. i primech.* N. P. Shastinoi. M.; L., 1957).
- ET, 1990: Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662 / The Uрга text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. The Australian National University. Canberra, 1990.
- Rachewiltz, 1972: *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972. Vol. 121.
- Rachewiltz, 2004: The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century / Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill, 2004.

T. D. Skrynnikova

***Jasay* concept in political culture of Mongols of the XIII—XVII centuries**

In this article the main emphasis is on analysis of *jasay* concepts: evolution of meaning of this concept in the XIII—XVII centuries when the Mongolian chronicles which recorded the using of a concept in political culture were composed. The analysis of the Mongolian texts showed that the *jasay* concept developed from designation of the occasional order of the Supreme ruler to organizing of the ruling structure subordinated to the ruler. According to the sources, we can speak about the beginning of formation of the Mongolian statehood.

Key words: Mongolia, power, *jasay* concept, political culture.